Андрей РАСТОРГУЕВ

ВЕЧЕРНЯЯ СВЕТЛЫНЬ

В жизни и творчестве поэта Нины Кондратковской соединились времена и народы

Юной порою нехитрых желаний я дал себе зарок никогда не попадать в число неблагодарных учеников. Со временем пришло понимание, что ученика с учителем могут развести вполне естественные причины. И всё же, внимательно прочтя книгу стихов Нины Кондратковской (1913-1991) «Тайная грусть», вышедшую в 2008 году в Челябинске, заволновался. Подумалось: неужели светлая память о моей первой стихотворной учительнице – всего лишь отблеск давно миновавшего отрочества? Была ли сама настоящим поэтом Нина Георгиевна, более 25 лет руководившая Магнитогорским городским литобъединением, где вместе с почти десятком состоявшихся со временем стихотворцев довелось начинать и мне?

Родовая стезя

На первый взгляд, сомневаться вроде бы не с чего:

Был скрип шагов и хруст берёз
Утоплен в тишину,
И ветер вспенивал до звёзд
Буранную волну.
И люди плыли по волне,
Метель гребли с трудом,
А голоса толклись на дне,
Как рыбы подо льдом…

Прозаичность дальнейших реплик о сугубо жизненных вещах (людям хлопоты, а полю благодать; аэропорт закрыт, а девушкам красиво; лыжникам везёт, дворнику же зарез, а как завтра хоронить, вообще непонятно) оказывается литературным приёмом и оправдывается философской концовкой: «*…Шёл снег, запутан, как судьба.// Шла жизнь, проста, как снег…*» Но следом – целый ряд лобово-

риторических или просто поэтически слабых текстов, которые как будто иллюстрируют лёгкую жалобу на мошкару, что слетается под лампу во время ночных экзерсисов: «…*Утром гляну на страницу –// До чего обсижена!// Мошка всё-таки жар-птицу// Со страницы выжила…*»

О правиле Нины Георгиевны поддерживать творческую форму каждодневными упражнениями, результаты которых далеко не всегда предназначались для публикации, напоминает и ироническое «Графоманское»: «…*На белые крыши// Взираю// И тихо балдею:// Какую бы выжать// Из мокрого снега// Идею?..*» И когда выжать не удаётся, ирония переходит в нелицеприятный итог: «…*Пойти бы в лифтёры!// Полезней оно и честнее…*»

Лифта в её доме никогда не водилось, а лифтёров – приветливых пенсионерок, к числу которых в конце 1970-х уже относилась и она – к тому времени сократили и в нашей семиэтажке. Но литературный и педагогический труд для Кондратковской был не просто сменной профессией, а родовою стезёй, которую она унаследовала на Полтавщине от своей бабушки, русско-украинской писательницы и сельской учительницы Анны Поповой.

Об отчих украинских Лубнах, где она родилась 16 ноября 1913 года, Нина Георгиевна писала как о том доме, где «*Даже будто молоко// На губах осталось…*» Но малой родиной для неё оказалось и Зауралье, куда семья переехала в уже советском 1925 году, а тем паче – Магнитогорск, более чем за полвека после 1935-го ставший краем, где было «…*сердцу суждено// Навсегда остаться…*»

В 2006 году её записки о детстве невдалеке от гоголевской Диканьки, отрочестве и первых учительских шагах в Кургане и Макушино и долгой жизни в Магнитке были изданы, а потом и выложены в Интернете. Так что теперь интересующиеся могут довольно подробно представить себе жизненный путь Кондратковской, которая в самом его начале вобрала как традиции народной и классической культуры, так и энергию нового индустриального и социального строительства. Тогда же я по немногим репликам удивлённо и с лёгкой завистью лишь догадывался о её органичной духовно-культурной включённости в цепочку многих поколений, отнюдь не прерванную 1917 годом, и, представляя историю своей семьи не далее начала Магнитостроя, вынашивал желание восстановить собственное родовое древо.

Особенно из тех реплик мне почему-то запомнились несколько фраз о том, как уже, видимо, окончив вечернее отделение музыкального училища и получив вдобавок к педагогическому диплом о среднем музыкальном образовании, она учила металлургов играть на рояле. Разумеется, виртуозные пассажи огрубевшим пальцам не покорялись, и глубокое постижение сольфеджио мужики бы вряд ли осилили. Но как минимум по одной пьесе – и довольно продолжительной – играл, по её словам, каждый, назубок выучив расстановку пальцев на клавиатуре.

А до училища, в котором Кондратковская проработала четверть века с перерывом на преподавание в пединституте и работу в газете, было учительство в нескольких магнитогорских школах. Об этом уже хрестоматийные – во всяком случае, воспроизведённые в «Википедии» – строчки из её итоговой поэмы «Колея»:

…Я каменьев не долбила,
Не вбивала первый гвоздь,
Мне на первые стропила
Восходить не довелось.
На меня иное счастье
Пало: в рубленом дому
На строительном участке
Обучать ребят уму…

Да класс не как нынче, а в 50 учеников, да «*двенадцать языков, и не меньше ста наречий*», так что и детские воспоминания о лубенском русско – украинско – еврейско – польско – чешско – французском многоязычии меркнут перед этим вавилоном. У начальников же – один сказ: «*Раз доверили – учи!*» Чтобы следом за русской речью и школьными азами вполне смогли освоить заводское дело. А потом пришлось осваивать и военное: пришедших с Отечественной похоронок тоже наберётся на целый класс…

Молва осенних клёнов

Именно в военные годы благодаря стихам, опубликованным в «Учительской газете», известность Кондратковской вышла далеко за пределы Урала. Ответный поток писем с фронта свидетельствовал: призывы к боевой самоотверженности и напоминание об ожидающей

семье, растущих детях, будущем возвращении созвучны не только официальной пропаганде, но и чувствам бойцов.

В сердце стучались строчки
«Папа, убей…»
И вот
Снова за счастье дочки
Шёл он вперёд и вперёд…
И видел штору с мережкой,
Где в золотую рань
С зорями вперемешку
Вспыхивала герань…

В неизбежности счастливого исхода уверяли строки: «*…Война, война! Её законы строги,// Но есть закон: сломает солнце лёд,// Трава застелет чёрные дороги,// Земля в цвету, ликуя, запоёт…*»

А вот уже и совсем без пафоса, выдающее принадлежность военным годам лишь датировкой – 20 января 1942 г. – и адресованное не фронтовику, а ребёнку:

Усталой маме перед утром снится,
Что у тебя в глазах цветёт барвинок,
А солнышко в пушистые ресницы
Лучи вплело – и не сумело вынуть.
Сочится свет сквозь розовые пальцы,
Ты ими тихо шевелишь спросонок,
И лихо скачут солнечные зайцы
По нежному батисту распашонок…

Настолько мирное, что составителям «Тайной грусти», очевидно, захотелось вынести его за границу раздела «Стихи военных лет» – как и датированное днём ранее пронзительно-лирическое: «*Так долго нет твоих хороших писем!// Так мало дней, обласканных тобой!...*» Они помещены в тех главках, где «*…Тополя зелёным пламенем// Перемыты дочиста// И навылет солнцем ранены// До последнего листа…*» или «*Открыло небо на меня с востока// Холодное серебряное око…// И вместо солнца// Золочёный ящер// Хвостом ударил…*»

«…*Скачи на подоконники, на ставни,// На фонари, на лаковый трамвай.// Да косточки кустам перемывай…*», – призывает автор долгожданный июньский дождь и подставляет ему лицо. А тот внезапно прекращается: «…*что же ты утих?// Ещё и мысли не задели стих,// А ты уже на мне поставил точку…*» К дождю осеннему обращена иная просьба: «…*Вымой волосы// Мне, пожалуйста!// Вымой, высуши// Бело-набело…// Чтоб зима души// Не исслабила.// Чтоб как смолоду,// Песни пела я…*» И на зиму, когда «*на земле идет сплошной ремонт,// Всё покрыто известью и мелом…*», Нина Георгиевна не сетует, несколько по-учительски вспоминая о составе спектра: «…*Ведь седины тоже, как лучи,// Белые, а радугу вобрали*».

С природой у Кондратковской вообще полное созвучие. И с белым ветром, который «*Ходит-ходит… по горам,// Хороводит белым снегом по дворам,// Веет-свищет в деревянную дуду…*» И с тихой молвой осенних клёнов, что влетает через окно в бездумный и бессловесный от усталости вечер – вроде бы обыкновенный ветерок, но «…*кровь бежит напористей по жилам// И в память возвращаются слова,// Как будто мне ладошки приложила// К сухому горлу горькая листва…*»

Не золотая, а синяя осень ищет «*в поле колоски,// Треплет ветру сивые виски…*» В небе «*Синий парус плещет в окоём,// Солнце шито золотом на нём…*» После грозы, «*Когда стихия пересатанела// И до грозинки высверкала зло,// Исплаканное небо посинело,// Издёрганные тучи разнесло…*» А вечером в подсветке округло-жёлтых, как дыни, кустов «…*на бетонные твердыни// Легла вечерняя светлынь…*»

Находки не ослепительные, хотя и, безусловно, поэтические. Но Кондратковская своими стихами, по-моему, и не стремилась никого ослеплять. Просто видела сама и подталкивала других – глядите:

Тихий просёлок ушёл за холмы,
Светится озеро тускло.
Ветер, как первый разведчик зимы,
Полем ползёт по-пластунски.

Всё, что крылами звенело вчера,
Нынче молчит неподвижно.
Осень стихи золотые прочла,
К тихому берегу вышла….

…Вот и одежду сменила свою

Матушка-родина снова…

Помню, над чем она работала сама и призывала работать нас: полнота, скульптурная мускулистость, движение каждой строки – ни одного не- или малозначащего звена.

Мне тьма не сказала последнего слова,
А только крылом шевельнула слегка.
Холодные луны, как белые совы,
В окне умирают, рождаются снова
И слышится мне не «пора», а «пока»…

Помню, как она с карандашом в руках вычитывала поэтические разделы толстых литературных журналов, подчёркивая слова и междометия, вставленные авторами для «затычки» размера, а кроме того – стыки слов, на которых частенько рождались неудобочитаемые и неудобослышимые звукосочетания. Особенно доставалось от неё Ш-скому – одному из часто публиковавшихся корифеев.

Те же требования она предъявляла самой себе:

Курган. Тобол. А за Тоболом
Над поймой вздыбленный Урал
Весёлым бором медноствольным
Степной простор окантовал.

Курган! А слово-то какое!
Да вы прислушайтесь: Кур-ган…
Кур-ган! – Бубенчик над дугою…
Кур-ган! – под облако орлам…

Прочёл, припомнил всё это – и вроде нет сомнений. Но рядом – мягко говоря, не слишком поэтическая попытка защитить стандартные рифмы к слову «Магнитка»: агитка, слитки, нитка… И весьма ходульное сравнение металлургического комбината с богатырём…

Дневная ноша

Придворным поэтом Кондратковская отнюдь не была. Но, как наверняка ещё помнят многие, уж очень любили в конце 1970-х всякого

рода рифмованные рапорты и приветствия. Чтобы, к примеру, вышли пионеры – и обязательно стихами… Стихи же, разумеется, надо было кому-то писать.

Сомневаюсь, что ей за это платили – как минимум далеко не всегда. А она и в этой подённой работе, припоминается, всегда стремилась по-новому обыграть штампованные лозунги и метафоры, найти новые образы и повороты. Судя по мемуарам, привычка, усвоенная ещё со студенческой «синеблузной» поры. На уникальные поэтические открытия это, безусловно, не тянуло, но стандарт вполне освежало – до такой степени, что, видимо, и в «Тайную грусть» благодаря её составителям местами проникло.

Ощущая «*необходимость быть необходимым*» и отказываясь от иной свободы, Нина Георгиевна уже вполне серьёзно обращалась к своей строке: «*…Пока ты ломишься в ночах// Сквозь камни и порошу,// Я поднимаю на плечах// Легко дневную ношу…*» И, признавая себя песчинкой, но предпочитая цельность внутреннему раздраю, столь же серьёзно заявляла: «*…лучше я в огнеупор впрессуюсь…*»

Рафинированный любитель утончённой поэзии, конечно, может посчитать жаропрочный кирпич и стихотворную ткань вещами несовместными. Однако в металлургическом городе и краю этот образ понятен и уместен вполне. А искреннее сострадание мальчику из далёкого ливанского Бейрута, где тогда шла гражданская война – столь же естественная примета того времени: «*…Я в нём узнаю сына своего.// И стиснет сердце каменная груда,// Вдавившая в развалины его…*»

Иллюзий по поводу отечественной современности Кондратковская явно не испытывала. Об этом свидетельствуют, например, горькие стихи о стройке на старинном погосте казачьей станицы Магнитной, едкие и опять же вряд ли предполагавшие обнародование эпиграммы. История XX века представлялась ей не анналами, а историей болезни.

Однако и расставаться с идеалами она отнюдь не спешила: «*Перепашут ли холмик безвестный,// Вознесут ли гранит на века,// Жизнь была бы высокой и честной,// Если так уж она коротка…*». И в той же «Колее», сюжетом для которой стала её последняя поездка в Лубны, Нина Георгиевна не пожелала принимать на себя никаких уничижений той части истории, доли строек и сражений, которую великая эпоха предназначила именно ей: «*Нет, не все мы колесили// Между смертью и мечтой,// Не валились, обессиля,// За полярною чертой,// Не взлетали, не горели,// А на общей полосе// Страдовали и старели.// И работали. Как все…*»

Прощаться с жизнью она не торопилась тоже, хотя, судя по многим стихам, в последний период жизни краем глаза постоянно заглядывала за горизонт. О будущей черте предупреждал первый непрочный зазимок: «*…Он только напомнит до срока,// Что я у зимы на краю// И мягко подстелет дорогу// Под тихую поступь мою…*» О приближающейся грани говорила записная книжка, превращаясь в мемориал. И Кондратковская сетовала:

Как поздно мыслей суета
В разумном выстроилась слоге!
Но в белом таинстве листа
Перо ещё на полдороге.
И не успеть мне, не успеть
Ни силу слова в песню вплавить,
Ни песню сложенную спеть,
Ни сердце в ней своё оставить!

Поздним, если не считать всплеска военных лет, оказалось и публичное признание её трудов. Только в 68 лет, в 1981 году, уже имея за плечами шесть книг стихов, она получила членский билет Союза писателей СССР. Только в 1982 году – звание заслуженного работника культуры РСФСР. Тем яснее постоянно звучащий в её поздних стихах мотив: «*…так много понято, затеяно,// Да только времени в обрез…*» В полноте сил и чувств она хотела «*Отработать, отжить// Свой последний десяток…*», недоумевая: «*…И наконец-то тишина// И гладь передо мною!..// Так почему судьба полна// Лишь тем, что за спиною?*» И, удовлетворённо отметив, что «*…пустоглазая косою машет мимо// И от земли меня не отдерёт…*», уже незадолго до ухода, который последовал 9 января 1991 года, шутила:

Жизнь моя последний график
Чертит с неба под траву,
Ну, а я тот график – на фиг
И, как видите, – живу!

«И глаз не отвести…»

Если не считать совсем уж рассчитанных на устную жизнь текстов, сочетанием риторически-пафосных и настоящих стихов «Тихая грусть»

отчасти подобна большинству прижизненных советских сборников Кондратковской, которые благодаря подвижничеству магнитогорца Дениса Коновальчика сегодня тоже можно найти в Интернете. Но в 1960-е и 70-е годы пафос и риторика были обязательной программой, без исполнения которой рукопись просто не могла увидеть свет.

И снова: уже в «Листопаде», который вышел в 1964 году, самые плотные, энергичные, живописные строчки – о живой и живучей природе, частью которой ощущает себя поэт. Долгожданный после ведьмы-засухи дождь, будто обжигаясь, пляшет на горячем асфальте. «*Облака — фарфоровые блюдца —// Катятся по небу и не бьются…*» Сгустившейся ночью ели щекочут луне щеку, и она, сонная, клюёт невидимым носом… А в пору медного листопада над синей печалью пруда на конопатом дубу сходятся стада пернатых туманов.

…И хочется теснее к ней прижаться,
И сойкой петь, и вереском цвести,
Дышать, дышать — и всё не надышаться,
Глядеть, глядеть — и глаз не отвести.

И здесь же – свойственная времени и вполне искренняя попытка показать большие человеческие дела, удержавшись на грани пафоса, в том числе благодаря лёгкой самоиронии в стихотворении о реке: «*…Захочешь сказать о красе первородной,// Да вдруг и напишешь о стройке народной…*» И человечное обытовление идеологического ноября, когда красные плакаты на балконах ставятся в один ряд с диванами и пирогами во вновь заселяемом доме. И переходящее в дальнейшем из сборника в сборник стихотворение о человеке, который превозмог голод и боль и вернулся к жизни, любви и труду. Только вот посвящение репрессированному в 1937 году ровеснику, земляку и собрату, поэту Борису Ручьёву, которое напоминало знающим, каким образом и когда этот человек оказался в голоде и боли, после «Листопада» сократилось до двух букв – «Б.Р.» Вряд ли по воле автора…

Уже в сборнике 1971 года «Тёплый ключ» – за двадцать лет до ухода – Кондратковская задумалась об итогах жизни. «*Так что// Холмик насыпьте, люди.// Даже столбик// Можете врыть.// А такого,// Что нас// Не будет,// Я прошу вас// Не говорить…*», – писала она, напоминая о плодах труда своего поколения. Но старости, обращаясь к «давящему на все железки» времени, она не ощущала. И была права.

Именно в этом сборнике, на мой взгляд, ярко проявилось эпическое начало творчества Кондратковской, которому как раз и требуются мускулы и энергия слова, иногда сдержанная, потаённая. Взять хотя бы первые строчки «Дождя на озере Якты-Куль»:

Я скольжу по тропинке,
Её промесили коровы.
Вон, стоят они,
Думают что-то,
По брюхо в воде.
Костерок сгоношили
Кусимовские рыболовы,
И чадит он,
Запутавшись
В собственной бороде…

Именно здесь был опубликован ставший заглавным сказ «Тёплый ключ» – первый из целого ряда стихотворных сказов, легенд, сказок и поэм, которые составили затем в 1979 году сборник «Синий камень», а в 1984 году – последнюю прижизненную книгу Кондратковской «Сердце-озеро».

Легенды нашей эры

Всё, что именуется словом «сказ», на Урале ещё долго будет сравниваться с бажовской «Малахитовой шкатулкой». И столь же неизбежна в любых уральских сказах тема творчества и мастерства. Однако героем своего «Сказа про Олексашкину чашу» Кондратковская выбрала не каменных дел или чугунного литья мастера, а гончара.

…Глина белая, бывало,
Из его весёлых рук
Лебедицей выплывала,
Очертя гончарный круг.
И добротна, и красива,
Колокольчата на звон:
Что ни чашка — то спасибо,
Что ни блюдо — то поклон…

Дальше история не только бажовская, но и почти лесковская: Олексашку привозят в столицу, помещают рядом с царским дворцом и требуют сотворить чашу – как нынче говорится, представительскую: «*позатейливей, покраше// дорогих заморских ваз*». Но ни в хоромах, ни на торговых задворках, ни в чёрной бане, куда последовательно переселяют героя, стимулируя его застопорившееся вдохновение, путного не выходит ничего: «…*Был талан — и нету боле!// Не заделье — маета.// Дух не тот у глины, что ли,// Аль вода в реке не та?..*»

И только накануне уже объявленной, говоря опять же по-современному, презентации, когда фельдъегеря спешно привозят Олексашке глину и литой родниковый лёд с его заимки, он лепит чашу и алого, чернохвостого снегиря. А птица вскоре оживает и, улетев из царицыных палат, «*чистым полем, тёмным лесом —// За три тысячи дорог*» выводит гончара, который в снегах уже почти было попрощался с жизнью, в родные места. И вот уже триста лет, храня завет мастера, «*…велит честному люду,// Значит, каждому из нас,// И своё живое чудо// Смастерить.// Про то и сказ…*»

Мораль предназначена, понятно, не для взрослых, что изощрены в логических выводах, а для детей. Однако и взрослый, тонко чувствующий, по выражению Нины Георгиевны, «самородное русское слово», с наслаждением погрузится в «*залётный, русский// Неподкованный хорей*», который годен «*и в песню, и в прибаску*», как написала она потом в той же «Колее»,

Художником, поначалу крепостным, а потом и вольным, да угодившим на каторгу и в шахте потерявшим слух и речь, является и герой стихотворной повести-легенды «Игнатьевская пещера». Причудливые жизненные перипетии приводят его в древнюю уральскую пещеру, встреча с деревенской девочкой возрождает к жизни, но, выйдя на волю, он слепнет от яркого солнечного света и потом на ощупь пытается в камне воссоздать черты давней любимой, защищая которую, и попал в каторжане. А конца истории та девочка, став уже бабушкой, внукам рассказать не успевает…

Параллели к этой повести в голову как-то не приходят – во всяком случае, сразу. Вполне оригинальны, хотя и характерны для Южного Урала, сохранившего долгую память о пугачёвском бунте, уже упоминавшийся «Тёплый ключ» и «Пугачёвская горка». А легенды «Синий камень», «Сказ о горе Башмак», «Тайна абзаковской лиственницы», «Предание о Солёном озере», «Три невесты», «Сердце-

озеро», «Камень Шайтан», «Чёртов палец», «Чабан и змей» аналогов и вовсе не имеют – во всяком случае, в столь русском, но сохраняющем башкирский колорит стихотворном варианте.

Одни из этих легенд связаны с местами, что с детства знакомы каждому магнитогорцу, а нынче – Абзаково, скажем, – обрели и всероссийскую известность. Другие, однако, уводят в места более дальние – например, на озёра Иткуль и Зюраткуль. Что в них перешло из записей, сделанных во время фольклорных экспедиций, в которые Нина Георгиевна ездила со студентами музучилища, а что является плодом её собственного вдохновения – вопрос для отдельного анализа. Но очевидно, что эти творения Кондратковской отнюдь не стесняются чисто краеведческими рамками и представляют русскому читателю целый культурно-географический регион, включают этого читателя в особые культурно-исторические потоки и пласты.

Срастаются с этими потоками и пластами и легенды XX века. Если верить «Сказанию о незакатной заре», вторая доменная печь Магнитки – это ещё и памятник красным комиссарам, останки которых были обнаружены при рытье котлована и вновь погребены в нём. Памяти одного из красных командиров гражданской войны посвящена «Партизанская быль», одного из первостроителей Магнитки поэта Александра Ворошилова – поэма «Трубач с Магнит-горы», местами обнаруживающая сознательное созвучие со стихами Эдуарда Багрицкого.

Да, сегодняшние поэты и читатели на многое смотрят иначе. Но и эти легенды – неотъемлемая часть нашей истории и культуры. И – творчества Кондратковской, которая на склоне лет не отказывалась ни от одного из своих творений: «*…Время, строки ограня,// Как товарища,// Как личность,// В эру втиснуло меня// Со своим лицом, походкой, –// В нашу эру…*» Великую во взлётах и падениях, надеждах и трагедиях эпоху, которая началась через четыре года после её рождения и завершилась в год её смерти.

«Хоть строчкой единственной…»

На том же склоне, на «столбовой битой дороге к последнему зимовью» Нина Георгиевна, опять же не испытывая иллюзий относительно своей реальной востребованности, написала:

Спокойно и тихо ступлю за межу,
Где стынут огни, цепенеют буруны.
С глубоким поклоном спасибо скажу
За счастье опробовать трубы и струны.
А время проверит на быстром лету
Усталые строки, забытые песни,
И все мои радости, всю маету
Крылом равнодушно отвеет в безвестье.
И всё-таки, всё-таки тайная грусть
Метнётся несбыточно-дерзостной смутой:
А, может, я снова когда-то вернусь
Хоть строчкой единственной, нужной кому-то?

Судя по блогам в Интернете и, надеюсь, по этой статье, лучшие строчки Нины Георгиевны – и не одна-единственная – по-прежнему нужны людям. И всё-таки, наверное, их сохранение и возвращение не должно быть делом только близких родственников, трудами и на средства которых изданы две последние книги Кондратковской. Многообразная и многоимённая русская литература, возможно, потому всё ещё велика, что не может, не должна позволить себе забвение таких крупных своих частиц.

И если хранить эту частицу довелось Южному Уралу, Магнитогорску, которые материально и, верится, духовно вполне состоятельны – значит, можно надеяться, что свет увидят и новые издания. И вошедшие в них стихи не оставят ни единого повода для сомнений: в триаде «Поэт. Гражданин. Педагог», что выбита на могильном камне, каждое слово – правда.

2010 г.